

Часть первая ДУНАЙСКИЕ ПОИСКИ

Глава 1

ОТДЕЛЬНАЯ ОСОБАЯ РОТА ЕГЕРЕЙ

— Давай свою фузейку, Фомич, у ротного лекаря-то давно уже Ванька Кудряш евойную забрал, а ты вон всё хрипишь да выёживаешься здесь!

Крепкий конопатый егерь, бегущий рядом с худеньким и невысоким писарем, протянул руку и перехватил его фузею за ремень.

— Не тронь ружжо, Данилка! Ты хоть и при капральстве, а всё ж моё енто оружие, вот сам я его и понесу далее. Чай, ужо недалече-то нам до привала осталось! А коли ты кому и хошь помочь, так и ещё вон поболее Спиридоныча разгрузи! Ему-то и своей лекарской сумки за глаза хватит. — И «ротная канцелярия», упрямо мотнув головой, резко, как ему ранее советовали, несколько раз выдохнул, а затем ещё прибавил ходу.

Пятый день большого учебного выхода в заозёрных лесах севернее Бухареста подходил к концу. Мартовский денёк прибавил светового дня,

и до вечерних сумерек оставалось ещё часа три, а это означало, что впереди будет один небольшой привал минут на двадцать, а потом ещё приличный рывок часа эдак на два. И только после него отдельная егерская рота будет устраиваться на лесную ночёвку. Но до неё им ещё нужно было дотерпеть, и вновь размокшие от весенней влаги сапоги выбивали грязные брызги из-под кожаных подошв.

Смуглый капрал с резкими, острыми чертами лица выскочил от ближайшего к тропе куста и доложился на бегу молоденькому поручику:

— Вашбродь, тама мелкий соснячок, такой сухонький, как раз под передых нам самое хорошее место будет! Шагов двести по прямой, да ещё чуток наискосок, и как раз вот он самый!

— Веди, Фёдор! Как раз нам уже время подошло малый привал делать. — Егоров обернулся и махнул рукой, указав на Цыгана. — Рота! За дозорным капралом бего-ом! Через двести шагов привал будет, подтяни-ись!

Длинная колонна свернула вслед за дозорным в лес, и мимо Алексея плутонг за плутонгом пробежала вся сотня егерей. Новеньких в ней было большинство. Лишь несколько «старичков» в унтерских и капральских званиях пронеслись по натопанной тропе, ведя за собой свои подразделения. Хвост отряда заскочил в лес, а вот в отдалении показался и заслонный десяток.

— За мной, Ермолай! — Поручик махнул призывно рукой, и капрал заслона, нагнав его, пристроился рядом. — Ну что, Авдеич, держатся твои, никого нужды нет подгонять?

Волчий хвост на зимнем, подбитом мехом картузе резко дёрнулся, и егерь, мерно дыша, пробасил:

— Да не-ет, не нужно подгона, вашбродь! Она как стараются кутёнки, как же, цельный заслон им доверили на этом выходе! Чай, не хуже всех прочих в моём десятке-то солдатики будут! Дэк и времени-то сколько прошло, ужо ведь пятый месяц как вон сбивается наша рота.

— Это да-а, — согласился с ним Лёшка. — Со-всем уже не то, что недавно, всего-то вот прошлой осенью было. Не зря те вёдра пота были пролиты!

— Не зря-я, — пробасил вслед за своим командиром капрал и чуть-чуть от него приотстал. — Филиппка, Евсейка! Ну чаво несётесь-то как оглашенные, что-о, никак отдых почуяли, зайцы вы пуганые?! А ежели ненароком сейчас вдруг турка из того вон леса выскочит, и кто же тогда всей нашей роте хвост стеречь будет? Говорили же вам: перед привалом завсегда самый оберег нужен! Чай, и у басурман тоже свои разумники есть, она, те же горные албанцы али волки-беслы, эти завсегда слабину чувят. То учение у нас уже кровью писано! Шире, шире огляд ведём, Сёмка! Не враз все по набитой тропе уходим!

Как видно, около десятка лет назад в том месте, где сейчас расположились егеря, прошел огненный пал. Старый лес весь здесь выгорел, а на месте пожарища затем поднялся густой кустарник, и уже с человеческий рост выросли на этой поляне молодые сосенки.

— Алексей Петрович, боковые дозоры выставлены, рота расположилась на привал, все в наличии,

отставших и больных нет! — докладывал с чуть уловимым акцентом высокий прапорщик. — Только у лекаря Мазурина нога до крови сбита, да с седьмого десятка у Валерьяна сучок от сухой валежины ногу распорол, когда он боковым дозором по бурелому пробегал. Рана неопасная, крови из неё мало вышло, обработали её, и на скорость подразделения она не влияет.

— Хорошо, Живан, понял, ты давай, пока есть время, и сам отдохни, — кивнул своему заместителю Егоров и сбросил со спины походный мешок. — Думаю, что до сумерек мы ещё часа три после этого привала успеем захватить. А это почитай, что вёрст восемь, а то и девять ещё точно нам пути будет. Как раз таки переночуем, два утренних перехода сделаем и уже к обеду у Бухарестских озёр окажемся, а это, считай, мы как у себя дома.

Лёшка отстегнул с мешка скатку плотного вощёного полотна и, расстелив его на грязном раскисшем снегу, лёг сверху, а затем, отряхнув, закинул свои ноги прямо на подложенный там же мешок. Хорошо! Усталость вместе с тягучей и сладкой дрёмой так и подкатывала. Чувствовалось, как кровь отливает от натруженных за время похода конечностей. Весеннее солнышко Валахии ласково пригревало, убаюкивая, и оттого очень хотелось спать. Алексей ласково погладил пристроившийся у него на груди штуцер и вспомнил прошлую осень.

— ...Приказом по военной коллегии от июля месяца сего года при главном квартирмейстерстве первой дунайской армии генерал-фельдмаршала,

графа Румянцева Петра Александровича, создаётся отдельная особая егерская рота общим числом в сто двадцать пять душ, при десяти капралах, пяти унтер-офицерах и четырёх старших унтерах. Господ обер-офицеров при этой роте всего будет четверо!¹

Полковник фон Оффенберг обвёл долгим взглядом замерший перед ним строй из егерей и, найдя в нём нужных ему людей, повысил голос:

— Фурьер Гусев, ко мне!

Барабанщик команды чётким строевым шагом вышел из солдатской шеренги и доложил барону.

— Матушка императрица, всемилостивейшая наша Екатерина Алексеевна жалует вам и всей вашей семье дворянство! Вам же лично, кроме оно-го, указом по военной коллегии от 25 июля сего года ещё к тому присваивается первое офицерское звание — прапорщик! Поздравляю вас, господин обер-офицер! — И полковник вложил в руку совершенно опешившего от неожиданности Сергея офицерский горжет сплошного серебристого цвета. Егерь же совсем растерялся и, стоя перед ним, хлопал глазами.

— Ну что это, поручик, порядка они у тебя, что ли, не знают, али и не рад он даже вовсе? До возвращенного-то его батюшке чина ему самому-то вон ещё три ступеньки службы скакать! — и Генрих Фридрихович с нарочитой строгостью нахмурил брови.

Алексей сжал кулак и продемонстрировал его уже бывшему барабанщику команды.

---

¹ См. Приложение в конце книги.

Серёгу враз отпустило, и он на всю Бухарестскую площадь громко заорал:

— Благодарю покорно, вашвысокоблагородие! Служу матушке нашей, всемилостивейшей императрице и всея российской державе!

— Ну то-то же, вот сейчас я вроде как вижу, что рад! — усмехнулся барон. — Ступай в строй, голубчик, а вот офицерский шарф ты уже и сам себе, чай, купишь да наденешь, как и полагается.

Затем он опять оглядел солдатский строй и, сделав уставное лицо, вновь выкрикнул команду:

— Капрал Милорадович! Ко мне!

Из строя вышел высокий, чернобровый, с орлиным носом на красивом и чуть смуглом лице Живан и чётко доложил о своём прибытии старшему штаб-офицеру.

— Вам, Милорадович, тем же указом, что и у Гусева, также присваивается первое обер-офицерское звание прапорщика! Но вот боюсь, что тебе до чинов твоего двоюродного дядюшки Андрея Степановича добираться гораздо тяжелее будет, чем вон тому же Гусеву. Но ты всё-таки не журись, господин прапорщик, коли и он до бригадирства дошёл, так чем ты, со своей сербской отчаянной отвагой, хуже его будешь?!

Новоиспечённый офицер громко прокричал благодарность, традиционную здравицу императрице и по приказу полковника встал в строй с того правого фланга, где теперь уже стоял прапорщик Гусев.

Фон Оффенберг медленно прошёлся вдоль строя.

— Командование армии ценит вашу доблесть и ваше высокое рвение в службе, егеря! Вы своими

громкими делами по праву заслужили эту высокую оценку. Поверьте, впереди ещё много боёв и трудов воинских, и пусть вас даже не смущает этот тягучий год шаткого перемирия. Победу над османами мы всё равно будем добывать своей меткой пулей и грозным ударом штыка, но никак не скрипом перьев о писчую бумагу. Готовьтесь к новым походам и к баталиям, братцы! А перед тем вам предстоит собрать и так подготовить свою новосозданную особую роту, чтобы она ничем не уступала теперь уже прежней егерской команде, а только лишь превосходила её во всём!

Барон обернулся к Егорову.

— Набирайте новых людей, поручик! В любых полках и в отдельных батальонах приглядывайте для себя годных солдат! Учите их своим егерским хитростям и премудростям, сбивайте в свои плутонги и десятки и ставьте над ними умелых унтеров да капралов. Время у вас, я полагаю, до весны ещё есть, а потом будет вам дело!

* * *

Словно бы только вчера это всё было, а вот ведь уже миновала дождливая осень, за ней пролетела снежная зима, и теперь всё больше власти над природой забирает эта ранняя, южная валашская весна. Подходило то время, когда подготовленной роте егрей будут поручены главным квартирмейстерством армии новые горячие дела. И, по всей видимости, уже совсем скоро нужно будет ждать боевого приказа. Долгие мирные переговоры в середине февраля 1773 года завершились, не поставив точку в этой

войне, и османская делегация, покинув их, убыла за Дунай на свою сторону.

Всё, пора вставать! Ноги, обутые в короткие кожаные сапожки, уже успели немного отдохнуть, и теперь нужно было бежать дальше. Если сейчас дать себе и своим людям слабину и пролежать здесь хотя бы ещё с полчаса, то тело совсем остынет, и тогда уже вставать и двигаться дальше будет гораздо труднее. Лёшка с усилием приподнялся со своего полога и оглядел место привала. Всюду, куда бы он сейчас ни посмотрел, были видны фигурки егерей, лежащие так же, как и их командир: под спиной непромокаемое вощенное полотно, ноги приподняты вверх, а личное оружие бережно прижато к груди.

— Рота, подъём! Всем быстрая оправка, и снова вперёд! Дозор может уже сейчас уходить! Боковые звенья и заслонный десяток пока те же! — И Егоров, закинув за спину отцовский штуцер, начал первым сворачивать свой полог. Через десять минут только лишь вдавленные в серый сырой снег ямки указывали на то, что тут только что совсем недавно была сотня людей.

И вновь потянулись вёрсты пути по пересечённой и труднопроходимой лесной местности.

— Внимание! Кавалерия с тыла! Заслон вырублен, а на нас идёт лава! Меня рядом нет, действуйте! — выкрикнул вдруг вводную Лёшка и чуть отступил в сторону, придирчиво оценивая действия своих подчинённых.

Милорадович, резко подобравшись, осмотрелся вокруг. Да-а, командир коварен, вон он какое неудоб-

ное для обороны место им выбрал! Задача, поставленная поручиком, осложнялась ещё тем, что рота сейчас бежала по большой лесной поляне. Удобных буераков или русла речки, плохо проходимых для конницы, поблизости не было, а вот места, где ей можно было сейчас разгуляться, виделось вокруг в избытке. И оценив обстановку, Живан резко поднял руку вверх.

— Внимание, рота! Принимаю командование на себя! Всем надеть на ружья штыки! Прапорщик Гусев, ведите второй, третий и четвёртый plutонги к ближайшей опушке колонной! — Живан махнул рукой в сторону леса, указывая направление. — Пионеры первого и четвёртого plutонгов, ко мне! Достать осколочные фугасы! Первый plutонг, в две шеренги становись, отходим вслед за ротой, пятясь! Быть готовыми прикрыть своим огнём пионеров! Пионеры, осколочные фугасы с замедлением на двадцать секунд ставь!

Рота стремительно, блестя штыками, отходила сомкнутым строем к лесу. Четыре одиночные фигурки, вытащив из наплечных кожаных мешков фугасы, быстро устанавливали их перед пятящимся за слонным plutонгом.

— Фугасы не подрывать, задача учебная! — снова подал команду Егоров. — От опушки раздался залп османских лесовиков арнаутов, Милорадович и ещё пятеро егерей тяжело ранены. Действуйте!

— Внимание, рота, беру командование на себя! — рявкнул Гусев. — Лекарь, к командиру, всех раненых в центр колонны! Рота, вперёд! Первые две шеренги

бить гренадами, всем в штыки! Выбить албанцев с опушки! В атаку! Ура!

— Ура-а-а! — разнёсся рёв сотен глоток. Егеря пошли на прорыв.

* * *

Солнце задело своим краешком за вершинки букового леса. Ещё пара десятков минут — оно вовсе скроется, и под пологом этих деревьев станет совсем темно.

Алексей подозвал к себе ротного вестового, вёсёлого неунывающего парня:

— Афоня, бери с собой вестового из первой полуроты, пробегите с ним вперёд, предупредите дозорных, чтобы там хорошенько огляделись да искали нам место для ночлега. Ну всё, давай, вперёд!

Незнающему человеку найти ротный лагерь было сложно. Спрятан он был со всем старанием и с уже отточенным егерским искусством. В лесной чаще у небольшого ручейка отгораживался он от случайных взглядов внешним кольцом пологов, грел хитрыми бездымными кострами разведчиков его хозяев и не выдавал их ни искрой, взлетевшей от сгорающих дров, ни отблеском от пламени и ни запахом гари.

Ужин сообразили быстро, все устали, и наваривать кулеш желания ни у кого уже не было. В ход шёл привычный талкан, быстро заваренный из муки крупного помола от обжаренного ячменя, сдобренный для вкуса топлёным маслом, душистыми пряными травами и солью. Некоторые егеря добавляли в него ещё кусочки вяленого мяса или копчёной

колбасы. Молодые солдаты, такие как ротный барабанщик Лёнька, предпочитали докладывать в него орехи и мёд. В любом случае был талкан всегда очень сытным и питательным.

Алексей подозвал командира третьего plutонга Емельяна Сорокина:

— Архипыч, сегодня ночной караул будет на твоём третьем plutонге, сам расставляешь и проверяешь своих людей. К подъему не забудьте ещё кипятку на всех сварить!

— Есть, вашбродь, сделаем, — кивнул унтер. — Вы ложитесь, отдыхайте ужо, замаялись ведь поболее всех нас.

— Да ну-у, нет, брось ты, чего уж там, так же, как и все, — усмехнулся в ответ Лёшка и оглядел весь свой лагерь. — Рота, отбой! Подъём утром ещё темно! — и сам прилег, привалившись к спине Макарыча. Костёр разведчика невидимым глазу жаром отбрасывал тепло на растянутый верхний полог, а с него — уже на лежащих внизу егерей. Было тепло, сытно и сухо.

Всё-ё...

Тело расслабилось, и Лёшка провалился в глубокий, как омут, сон.

* * *

После трёхчасового утреннего рывка и одного малого привала рота приближалась к предместьям Бухареста.

— Да уж лучше бы дома у себя, на квартировании обедать, чем в этом стылом лесу! Чай, недалече теперяча, во-он ужо и озё-ёра наши совсем рядом, —